

Толстой Лев Николаевич

Рабство нашего времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ЛЗ4

ЛЗ4 **Лев Николаевич Т.**
Рабство нашего времени / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
100 с.

ISBN 978-5-519-77229-7

ISBN 978-5-519-77229-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ (Мѡ. V, 38 и Исх. XXI, 24).

А Я говорю вамъ: не противься злѡму. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую (39).

И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду (40).

И кто принудить тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два (41).

Всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ (Лк. VI, 30).

И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними (31).

Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее (Дѣян. Апост. II, 44).

И сказалъ Иисусъ: вечеромъ вы говорите: будетъ вѣдро, потому что небо красно (Мѡ. XVI, 2);

и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово.

Лицемеры! различать лицо неба вы умѣете, а знаменій временъ не можете (3).

Взявшій мечъ отъ меча погибнетъ (Мѡ. XXVI, 52).

Система, по которой дѣйствуютъ всѣ народы міра, основана на самомъ грубомъ обманѣ, на самомъ глубокомъ невѣжествѣ и на соединеніи обѡихъ: такъ что ни при какихъ видоизмѣненіяхъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ держится эта система, она не можетъ произвести добро для людей; напротивъ, — практическія послѣдствія ея должны всегда быть и постоянно производить зло.

Робертъ Овенъ.

Мы очень много изучали и усовершенствовали въ последнее время великое изобрѣтеніе цивилизаціи — раздѣленіе труда; только мы даемъ ему ложное названіе. Правильно выражался, надо сказать: не работа раздѣлена, но люди раздѣлены на частицы людей, разломлены на маленькіе кусочки, на крошки; такъ что та малая часть разсудка, которая оставлена въ человѣкѣ, недостаточна, чтобы сдѣлать цѣлую булавку или цѣлый гвоздь, и истощается на то, чтобы сдѣлать кончикъ булавки или шляпку гвоздя. Правда, что хорошо и желательно дѣлать много булавокъ въ день; но если бы только мы могли видѣть, какимъ пескомъ мы полируемъ ихъ — пескомъ человѣческой души, то мы бы подумали о томъ, что это тоже и невыгодно.

Можно заковыдывать, мучить людей, запрягать ихъ, какъ скотъ, убивать, какъ лѣтнихъ мухъ, и все-таки такіе люди въ извѣстномъ смыслѣ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ, могутъ оставаться свободными. Но давить въ нихъ безсмертныя души, душить ихъ и превращать въ гніющіе обрубки младенческіе ростки ихъ человѣческаго разума, употреблять ихъ мясо и кожу на ремни для того, чтобы двигать машинами, — вотъ въ чемъ истинное рабство. Только это униженіе и превращеніе человека въ машину заставляетъ рабочихъ безумно, разрушительно и тщетно бороться за свободу, сущности которой они сами не понимаютъ. Озлобленіе ихъ противъ богатства и противъ господъ вызвано не давленіемъ голода, не уколами оскорбленной гордости (эти двѣ причины производили свое дѣйствіе всегда; но основы общества не были никогда такъ расшатаны, какъ теперь). Дѣло не въ томъ, что люди дурно питаются, но въ томъ, что они не испытываютъ удовольствія отъ той работы, посредствомъ которой они добываютъ хлѣбъ, и потому они смотрятъ на богатство, какъ на единственное средство удовольствія.

Не въ томъ дѣло, что люди страдаютъ отъ презрѣнія къ нимъ высшихъ классовъ, но въ томъ, что они не могутъ переносить свое собственное къ себѣ презрѣніе за то, что чувствуютъ, что трудъ, къ которому они приговорены, унижаетъ, развращаетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то меньше людей. Никогда высшіе классы не проявляли столько любви и симпатій къ низшимъ, какъ теперь, а между тѣмъ никогда они не были такъ ненавидимы ими.

Рёскинъ.

Рабство нашего времени.

ВВЕДЕНИЕ.

Почти пятнадцать лѣтъ тому назадъ перепись населенія въ Москвѣ вызвала во мнѣ рядъ мыслей и чувствъ, которыя я, какъ умѣлъ, выразилъ въ книгѣ, озаглавленной: „*Что же намъ дѣлать?*“. Въ концѣ прошлаго 1899 года мнѣ пришлось вновь передумать тѣ же вопросы, и отвѣты, къ которымъ я пришелъ, остались тѣ же, какъ и въ книгѣ: „*Что же намъ дѣлать?*“. Но такъ какъ мнѣ кажется, что за эти 15-ть лѣтъ мнѣ удалось болѣе спокойно и подробно, въ связи съ существующими теперь распространенными ученіями, обдумать предметъ, который разбирался въ книгѣ: „*Что же намъ дѣлать?*“—то я предлагаю читателямъ новые доводы, приводящіе къ тѣмъ же прежнимъ отвѣтамъ. Думаю, что доводы эти могутъ быть полезны людямъ, искренно стремящимся къ уясненію своего положенія въ обществѣ и къ ясному опредѣленію вытекающихъ изъ этого положенія нравственныхъ обязанностей, и потому печатаю ихъ.

Основная мысль, какъ той книги, такъ и этой статьи,—отрицаніе насилія. Это отрицаніе я понялъ и узналъ изъ евангелія, гдѣ оно яснѣ всего выражено въ словахъ: „вамъ сказано: око за око... т.-е. васъ учили употреблять насиліе противъ насилія, а я учу васъ: подставьте другую щеку, когда бьютъ васъ, т.-е. терпите насиліе, но не дѣлайте его“. Знаю я, что эти великія слова, благодаря легкомысленно превратнымъ и согласнымъ между собою толкованіямъ либераловъ и церкви, будутъ для большинства, такъ называемыхъ, образованныхъ людей поводомъ къ тому, чтобы не читать статьи или предубѣжденно относиться къ ней, но я все-таки помѣщаю эти слова въ эпиграфъ настоящей статьи.

Я не могу помѣшать людямъ, называющимъ себя просвѣщенными, считать евангельское ученіе отсталымъ, давно пережитымъ человѣчествомъ руководствомъ жизни. Мое же дѣло въ томъ, чтобы указывать на тотъ источникъ, изъ котораго я почерпнулъ познаніе еще далеко не сознанной людьми истины, которая одна можетъ избавить людей отъ ихъ бѣдствій. Это я и дѣлаю.

Іюня 28-го 1900 г.

I.

Знакомый мнѣ служащій на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ вѣсовщикъ, между разговоромъ, разсказалъ мнѣ, что крестьяне, грузящіе на его вѣсахъ товары, работаютъ 36 часовъ сряду.

Несмотря на полное мое довѣріе къ правдивости разсказывавшаго, я не могъ повѣрить ему. Я думалъ, что онъ или ошибается, или преувеличиваетъ, или я чего-нибудь не понимаю.

Но вѣсовщикъ такъ подробно разсказалъ мнѣ условія, при которыхъ происходитъ эта работа, что нельзя было сомнѣваться. По разсказу его, такихъ грузовщиковъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ—250 человекъ. Всѣ они раздѣлены на партіи по 5 человекъ и работаютъ сдѣльно, получая по 1 рублю и по 1 рублю 15 копеекъ за 1000 пудовъ нагруженнаго или выгруженнаго товара.

Приходятъ они по утру, работаютъ день и ночь на выгрузкѣ и тотчасъ же по оканчаніи ночи, утромъ, поступаютъ на нагрузку и работаютъ еще день. Такъ что въ двое сутокъ они спятъ одну ночь.

Работа ихъ состоитъ въ томъ, чтобы сваливать и перетаскивать тюки по 7, 8 и до 10 пудовъ.

Двое наваливаютъ на спины остальныхъ троихъ, и тѣ носятъ. Зарабатываютъ они такой работой на своихъ харчахъ менѣе рубля въ сутки. Работаютъ постоянно, безъ праздниковъ.

Разсказъ вѣсовщика былъ такъ обстоятеленъ, что нельзя было сомнѣваться, но я все-таки рѣшилъ своими глазами провѣрить его и поѣхалъ на товарную станцію.

Найдя на товарной станціи своего знакомаго, я сказалъ ему, что пріѣхалъ посмотреть на то, что онъ мнѣ разсказывалъ.

— Кому ни говорилъ,—никто не вѣритъ,—сказалъ я.

— Никита,—не отвѣчая мнѣ, обратился вѣсовщикъ къ кому-то въ будкѣ:—поди-ка сюда!

Изъ двери вышелъ высокій, худой рабочій въ оборванной поддевкѣ.

— Когда вы поступили на работу?

— Когда? вчерась утромъ.

— А ночь гдѣ были?

— Извѣстно, на выгрузкѣ.

— Ночью работали?—спросилъ уже я.

— Извѣстно, работали.

— А нынче когда сюда поступили?

— По утру поступили, когда же еще?

— А когда кончите работать?

— Когда отпустятъ, тогда и кончимъ.

! | Подошло еще четыре рабочихъ, составляющихъ партію изъ пяти человекъ.

Всѣ были безъ шубъ, въ рваныхъ поддевкахъ,

несмотря на то, что было около 20 градусов мороза.

Я сталъ разспрашивать ихъ о подробностяхъ ихъ работы, очевидно, удивляя ихъ интересомъ, который я выказывалъ къ такой, какъ имъ казалось, простой и естественной вещи, какъ ихъ 36-ти часовая работа.

Всѣ они были люди деревенскіе, большею частью мои земляки — тульскіе; есть орловскіе, есть и воронежскіе. Живутъ они въ Москвѣ по квартирамъ, нѣкоторые съ семьями, большею же частью одни. Тѣ, которые живутъ безъ семей, посылаютъ заработанное домой.

Харчатся всѣ порознь у хозяевъ. Харчи обходятся по 10 рублей въ мѣсяцъ, ѣдятъ мясо всегда, не соблюдая постовъ.

Находятся въ работѣ не 36 часовъ подъ рядъ, а всегда больше, потому что на проходъ съ квартиры и обратно уходитъ болѣе получаса и, кромѣ того, часто ихъ задерживаютъ на работѣ дольше положеннаго времени. Вырабатываютъ на такой 37-ми часовой подъ рядъ работѣ, безъ вычета харчей, рублей 25 въ мѣсяцъ.

На вопросъ мой: зачѣмъ они работаютъ такую каторжную работу, мнѣ отвѣчали:

— А куда же дѣнешься?

— Да зачѣмъ же работать 36 часовъ подъ рядъ? Развѣ нельзя такъ устроить, чтобы работать посмѣнно?

— Такъ велятъ.

— Да вы-то зачѣмъ же соглашаетесь?

— Затѣмъ и соглашаешься, что кормиться надо. Не хочешь—ступай. На часъ опоздаешь, и то сейчасъ ярлыкъ въ зубы и маршъ, а на твое мѣсто 10 человѣкъ готовы.

Рабочіе были молодые люди, одинъ только былъ постарше, вѣроятно лѣтъ за 40. У всѣхъ лица были худыя, истомленные, и усталые глаза, точно они выпили. Тотъ худой рабочій, съ которымъ я съ первымъ заговорилъ, особенно поразилъ меня этой странной усталостью взгляда. Я спросилъ его не выпилъ ли онъ нынче?

— Не пью,—отвѣчалъ онъ, какъ всегда, не задумываясь, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ люди, дѣйствительно непьющіе. — И табаку не курю,—прибавилъ онъ.

— А другіе пьютъ?—спросилъ я.

— Пьютъ. Сюда приносятъ.

— Работа не легкая. Все крѣпости прибавить,—сказалъ пожилой рабочій.

Рабочій этотъ и нынче выпилъ, но это было совершенно незамѣтно.

Поговоривъ еще съ рабочими, я пошелъ посмотреть на выгрузку.

Проходя мимо длинныхъ рядовъ всякихъ товаровъ, я подошелъ къ рабочимъ, медленно катившимъ нагруженный вагонъ. Передвиженіе на себѣ вагоновъ и очистку платформъ отъ снѣга, какъ я узналъ потомъ, рабочіе обязаны дѣлать бесплатно. Это стоитъ въ платномъ условіи. Рабочіе были такіе

же оборванные и исхудалые, какъ и тѣ, съ которыми я говорилъ. Когда они докатили вагоны до мѣста и остановились, я подошелъ къ нимъ и спросилъ, когда они стали на работу и когда обѣдали.

Мнѣ отвѣтили, что стали на работу въ 7 часовъ, а обѣдали только сейчасъ. Такъ по работѣ надо было, не отпускали.

— А когда отпустить?

— А какъ придется, другой разъ и до 10 часовъ,—какъ будто хвастаясь своей выдержкой въ работѣ отвѣчали рабочіе.

Видя мой интересъ къ ихъ положенію, рабочіе окружили меня и въ нѣсколько голосовъ, вѣроятно принимая меня за начальника, сообщали мнѣ то, что, очевидно, составляло ихъ главный предметъ неудовольствія, а именно, что помѣщеніе, въ которомъ имъ иногда между дневной работой и началомъ ночной можно было бы отогрѣться и иногда соснуть въ продолженіе часа, — было тѣсно. Всѣ выражали большое неудовольствіе на эту тѣсноту.

— Собирается 100 человѣкъ, а лечь негдѣ, подъ нарами и то тѣсно, — говорили недовольные голоса.—Сами взгляните — недалеко.

Помѣщеніе, дѣйствительно, было тѣсно. Въ 10-ти аршинной горницѣ могли помѣститься на нарахъ человѣкъ 40.

Нѣсколько рабочихъ вошли за мной въ горницу, и всѣ наперерывъ съ раздраженіемъ жаловались на тѣсноту помѣщенія. „Подъ нарами и то лечь негдѣ“, говорили они.

Сначала мнѣ показалось страннымъ то, что эти люди, на 20-ти градусномъ морозѣ безъ шубъ, въ продолженіе 37-ми часовъ таскающіе на спинахъ 10-ти пудовыя тяжести, отпускаемые на обѣдъ и ужинъ не въ то время, когда имъ нужно, а когда вздумается ихъ начальству, вообще находящіеся въ гораздо худшемъ, чѣмъ ломовыя лошади, положеніи,—что эти люди жалуются только на тѣсноту помѣщенія въ ихъ теплушкѣ. Сначала это мнѣ показалось страннымъ, но, вдумавшись въ ихъ положеніе, я понялъ, какое мучительное чувство должны испытывать эти никогда не высыпающіеся, иззябшіе люди, когда они, вмѣсто того, чтобы отдохнуть и отогрѣться, лѣзутъ по грязному полу подъ нары и тамъ только еще больше разламываются и разслабѣваютъ въ душномъ, зараженномъ воздухѣ.

Только въ этотъ мучительный часъ тщетной попытки сна и отдыха они, вѣроятно, болѣзненно чувствуютъ весь ужасъ своего губящаго жизнь 37-ми часового труда, и поэтому-то особенно возмущены такимъ кажущимся незначительнымъ обстоятельствомъ, какъ тѣснота помѣщенія.

Посмотрѣвъ нѣсколько партій на ихъ работахъ и поговоривъ еще съ нѣкоторыми изъ рабочихъ, и отъ всѣхъ услыхавъ одно и то же, я поѣхалъ домой, увѣрившись въ томъ, что то, что мнѣ рассказывалъ мой знакомый,—была правда.

Была правда то, что за деньги, дающія только пропитаніе, люди, считающіеся свободными, находятъ